

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕКОГНОСЦИРОВОЧНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РУСКОФИЛЬ-КАЛЕ

Черкасов А.В.

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (Крымский филиал).

В процессе рекогносцировочного обследования любого археологического памятника основным материалом для суждения как о времени, так и о его социально-экономической структуре являются, в большинстве случаев, только внешние, сохранившиеся до нашего времени формы, взятые в связи с окружающей местностью, и конкретное количество отдельных предметов, найденных на поверхности или в случайных обнажениях культурного слоя. Очевидно, что рекогносцировочное обследование не может предоставить материал, на который следует рассчитывать при методическом исследовании памятника путем раскопок и который разносторонне будет характеризовать объект исследования.

На основании разведок обычно решается ограниченный круг научно-исследовательских задач, имеющих предварительное значение. К ним относятся: привязка найденных предметов к определенной исторической эпохе, соотношение результатов натурного изучения строительных остатков и подъемного археологического материала с полученными ранее данными; определение места и хронологии объекта в истории региона. Именно в таком контексте были сформулированы задачи историко-культурного изучения укрепленного монастыря Рускофиль-Кале, расположенного на территории Природного заповедника «Мыс Мартьян» и находящегося в составе НБС-ННЦ НААН Украины.

Изучение осуществлялось в течение июля-сентября 2012 г. в рамках действующего Договора о сотрудничестве между НБС-ННЦ НААН Украины и ФБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова» (Крымский филиал).

Актуальность исследования указанного памятника обусловлена системой факторов. Во-первых, показательным характером исара и репрезентативностью фактологического материала, полученного в процессе его изучения. Во-вторых, расположением и устройством укрепленного монастыря, как составляющей зодчества средневековой Таврики. Кроме того, уточнение и дополнение данных о материальной и духовной культуре северопрichernоморского региона оптимизирует развитие как отечественной, так и европейской медиевистики.

Открытый археологический памятник Рускофиль-Кале располагается в 1 км к юго-востоку от населенного пункта Никита, на оконечности мыса Мартьян (Никитский), непосредственно над морем. Сам мыс находится в 7 км к востоку от Ялты и в 4,5 км к юго-западу от Гурзуфа. Формы рельефа – складчатые темные глинистые сланцы с известняками и прослойками песчаников таврической серии (триас – нижняя юра). Общая площадь всего комплекса составляет около 450 м², размеры основной площадки – в пределах 17х30 м.

Разведочные работы производились на возвышенной части укрепления, северном склоне, а также в обрывистых южных и юго-восточных клифах и урочище

русла ручья Рускофулей. Здесь, кроме фундаментов стен и башен, до сих пор заметны многочисленные бугры и ямы, отличающиеся характером покрывающей их растительности от нетронутых мест (прил.1).

Историография комплекса Рускофиль-Кале насчитывает почти 200 лет. Условно можно выделить два хронологических, главным образом персонифицированных, периода его изучения, которые отличаются между собой и по целям, и по методике проведения исследовательских работ.

Первый относится к XIX – первой половине XX вв. В это время проводилось описание и графическая фиксация руин строений, в частности оборонительных сооружений и башен. Первым исследователем Рускофиль-Кале стал П.И. Кеппен, представивший общую, достаточно подробную характеристику объекта в своем «Крымском сборнике» (издан 12 апреля 1837 г.). При этом целесообразно отметить знания в области топографии и картографии, полученные автором в период службы в Украинском губернском правлении (губернской чертежной) в 1806-1809 гг. Все зарисовки Рускофиль-Кале и съемки местности мыса проводились ученым самостоятельно карандашом на отдельных листах бумаги, а потом наводились чернилами. Ученый отмечал, что «предугадав существование крепостных развалин на Никитском мысу... прибыл на место к востоку от земель казенного сада, в даче Мартианской, ...увидел на высоте остатки стен, а внизу у моря сквозную пещеру, называемую Хале Хоба (или по-турецки Кале Коба), то есть крепостная пещера. ...когда же я обратился к ... планам Никитской дачи, то увидел, что развалины именуются Рускофиль – Кале, тут же показана гора Рускофля и овраг Рускофулей. Татары дают этому месту название Рускофили или Ускруфиль – Кале» (Кеппен, 1837).

Рис. 1 Урочище Рускофулей. Слева – обрывы мыса Мартьян

Размышляя над топонимикой объекта, П.И. Кеппен, со свойственной ему научной корректностью, предложил: «...можно было бы думать, что имя... упоминаемой в письменных источниках средневековой крепости Фуллы... скрывается под названием Рускофулей или Рускофиль – Кале, которое татары дают следам построек на Никитском мысу» (Кеппен, 1837).

В отношении Рускофиль-Кале, впрочем, как и других исаров Южнобережья, исследователь установил хронологические границы существования (VI - XV вв.), сформулировал выводы, поныне не утратившие научного значения. К примеру, зависимость размещения укрепления от особенностей местности и рельефа; систематическое оборонительное расположение; основание прибрежных крепостей по принципу взаимного соотношения при наличии визуальной связи (в случае с Рускофиль-Кале – это Палеокастрон). Таким образом, все средневековые объекты на морских мысах от Алушты до Севастополя составляли узловые связующие звенья общей системы обороны берега. Вместе с этим, П.И. Кеппен указывал, что все постройки возводились христианским населением региона и включали в себя небольшие церкви и монастыри (Кеппен, 1837). Последнее замечание для Рускофиль-Кале, несомненно, показательное.

В последней четверти XIX в. памятник на мысе Мартьян посетила и осмотрела М.А. Сосногорова, автор одного из первых систематизированных крымских путеводителей. Женщина не только высокообразованная, но и довольно состоятельная, Мария Александровна Славич (Сосногорова – ее литературный псевдоним), была достаточно хорошо ознакомлена с трудами крупнейших ученых, ранее работавших в Крыму. Этот факт положительно отобразился на содержании ее работ, а результаты индивидуальных археологических разведок и поисков стали в дальнейшем основой многих научных монографий по истории полуострова.

М.А. Сосногорова отметила, что: «...Никитский мыс...носит на себе следы древних построек и укреплений. Все это место, до самой подошвы Яйлы, было в древности обитаемо, судя по существующим еще и теперь тут, во многих местах, остаткам древних строений». И далее сформулировала смелое предположение: «Не было ли все это место занято большим греческим поселением или, быть может, городом Сикитой, существовавшим еще в XV веке и упоминаемым в «Актах константинопольского патриарха?»» (Сосногорова, 1871).

Детализированное топографическое изучение Рускофиль-Кале осуществил в первой четверти XX в. военный инженер, историк и археолог А.Л. Бертъе-Делагард. Исследователь реализовал первые попытки планировочного и культурно-исторического анализа памятника: актуализация вопроса о функциональном назначении развалин на мысе Мартьян (феодалный замок, укрепленное поселение с цитаделью, монастырь), составление первого графического чертежа памятника.

А.Л. Бертъе-Делагард вполне соглашался с П.И. Кеппеном в вопросе о назначении Рускофиль-Кале. По мнению автора, на мысе в эпоху средних веков располагалась небольшая крепость или замок: «тонкие и невысокие стенки ее ограждали очень небольшое пространство, около 50 квадратных сажен площади. На концах длинной стены с севера были жилья, а, может быть, и маленькие башни... Внутри за стеной, приметны слабые следы жилья и находятся обломки сосудов и греческой большой плоской кровельной черепицы...» (Бертъе-Делагард, 1920) (рис.2).

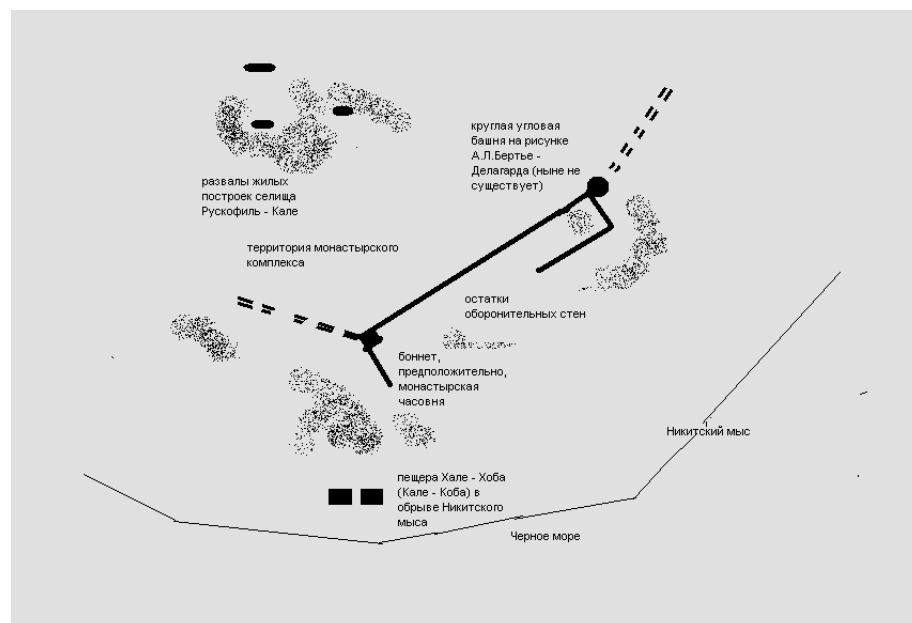

Рис.2. План Рускофиль – Кале на Никитском мысу по А.Л. Бертье- Делажарду

В разное время о Рускофиль-Кале в контексте комплексных авторских исследований кратко упоминали Дюбуа де Монпере (1848 г.), А.И. Маркевич (1914 г.), Н.И. Репников (1933 г.), Н.Л.Эрнст (1935), О.И. Домбровский (1974 г.) и другие.

Второй период историографии памятника охватывает вторую половину XX – начало XXI вв. В 60-е гг. археологический осмотр объекта осуществил новосибирский археолог Л.В. Фирсов. Ученый рассматривал Рускофиль-Кале не изолированно, а в реальной взаимосвязи, исторически интерпретируя и обосновывая данные геологических, исторических разведок и письменных первоисточников. Достоинством исследования стало наличие авторских наглядных иллюстраций - общих панорам, чертежей разрезов, остатков зданий, рисунки керамики и т.п. После систематизации собранного археологического материала, анализа стратегического положения и стратиграфии исара, Л.В. Фирсов предположил, что памятник представляет из себя небольшой монастырь либо группу церковных построек и поселение, защищенное оборонительными стенами лишь с двух сторон – юга и запада. Ученый резюмировал, что полное знание о Рускофиль-Кале могут предоставить основательные раскопки, которые невозможны с формальных позиций: объект располагается на территории Никитского ботанического сада и является неотъемлемой принадлежностью заповедника «Мыс Мартьян» (Фирсов, 1990).

В 80-е – начале 90-х гг. XX в. исар был осматрен и описан в ходе комплексного изучения средневековых крепостей Таврики директором Крымского филиала Института археологии НАН Украины В.Л. Мыщем. Исследователь локализовал все главные сооружения Рускофиль-Кале, уточнил хронологические этапы его генезиса (XIII – XIV вв.), сформулировал первоочередные выводы в отношении его археологической интерпретации (замок) (Мыщ, 1991).

В 2006 г. разведочные работы, рекогносцировку объекта, сбор подножного археологического материала и его первичное описание осуществили сотрудники Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова – А.В. Черкасов и А.В. Иванюков (2007) (рис. 3).

Проблематика топонимики «Рускофиль-Кале» неоднократно рассматривалась в научной литературе. Составляющая двойного названия объекта «кале» — в переводе с арабского означает «крепость». Но этимология слова «Рускофиль» в словосочетании традиционно вызывает определенное затруднение (при условии, что вторая часть термина - «кофиль» имеет тюрко-арабское происхождение). Академик В.И.Латышев считал, что «росс», «русь» являются вариантами самоназвания группы таврских (а позже тавроскифских) племен, древнейших индоевропейцев (русов) Крымского полуострова. Греческое слово «рус» - можно перевести как «течение», «поток», «вода», «река». Термин «фелахос» означает страж, хранитель, караул. Допустимым вариантом перевода может быть и понятие «фолия» - гнездо, берлога, логово. Последнее вполне можно истолковать как «оборонительный пункт». Таким образом, с одной стороны, топонимические интерпретации указывают на существование на мысу замка или небольшой крепости. В пользу этого свидетельствует и название естественной пещеры, расположенной у основания мыса – Хале (Кале)-Коба (пещера в крепости).

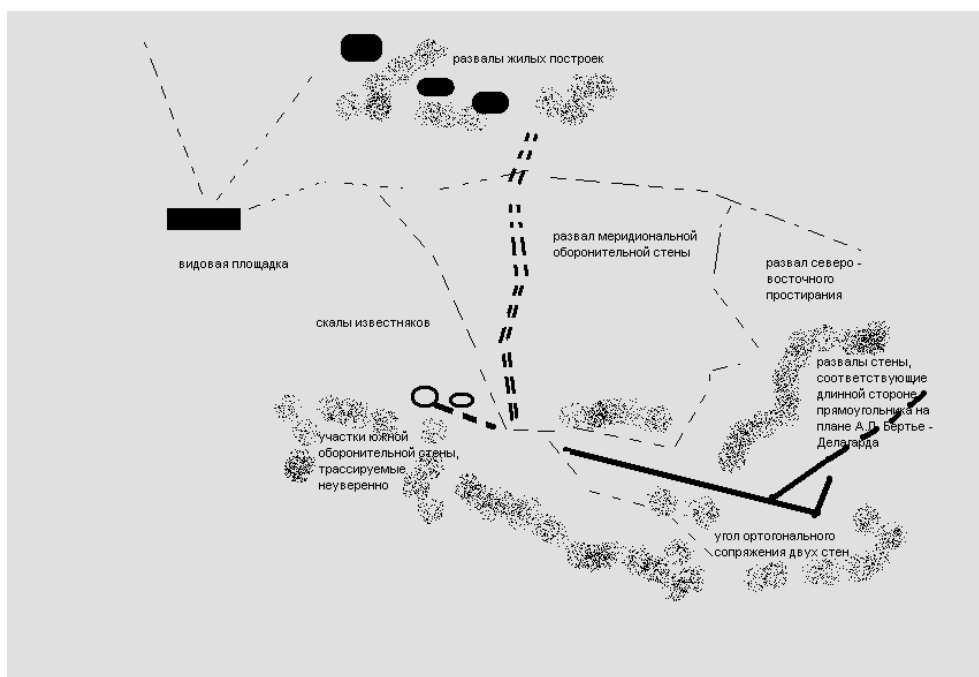

Рис. 3. Рускофиль – Кале. Съемки 1966, дополнения 2006; 2012 гг.

Однако само средневековое название мыса – Мартыан (с древнегреч. – свидетель, новогреч. – ученик Христа, мученик), а также находки на территории памятника предметов культового содержания косвенно указывает на локализацию здесь монастырского комплекса.

Учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что первоначальное укрепление существовало с незапамятных времен, и название построившего его народа, вероятно, трансформировалось у греков, а затем и у крымских татар на название крепости, после того, как она была реконструирована или восстановлена после XIII в. Кроме этого, правдоподобным представляется срединное назначение памятника: на мысу размещался небольшой укрепленный монастырь или феодальное поместье с прилегающими к нему монастырем и сельским поселением.

Осмотр и рекогносцировка стен Рускофиль-Кале подтвердила выводы предыдущих исследователей об отсутствии замкнутого оборонительного периметра с востока и запада. Возведенные из бута на известковом растворе стены отгораживали с напольной (северной стороны) небольшую площадку на вершине мыса, являющуюся своеобразной цитаделью.

Остатки стен – типичны для крымского средневековья. В их структуре четко выделяются три компонента – наружный, внутренний панцири и забутовка из мелкого камня и щебня. При этом зона забутовки прослеживается далеко не везде. Так, с юго-восточной стороны из-за сложности рельефа наружный и внутренний панцири смыкаются и забутовка практически не выражена. В обоих панцирях кладка производилась горизонтальными рядами: слабоотесанные или совсем неотесанные глыбы укладывались плашмя и ровной гранью к лицевой поверхности панциря. При такой ситуации регулярность рядов часто нарушалась, отчего кладка в итоге приобрела классический полигональный характер (рис. 4).

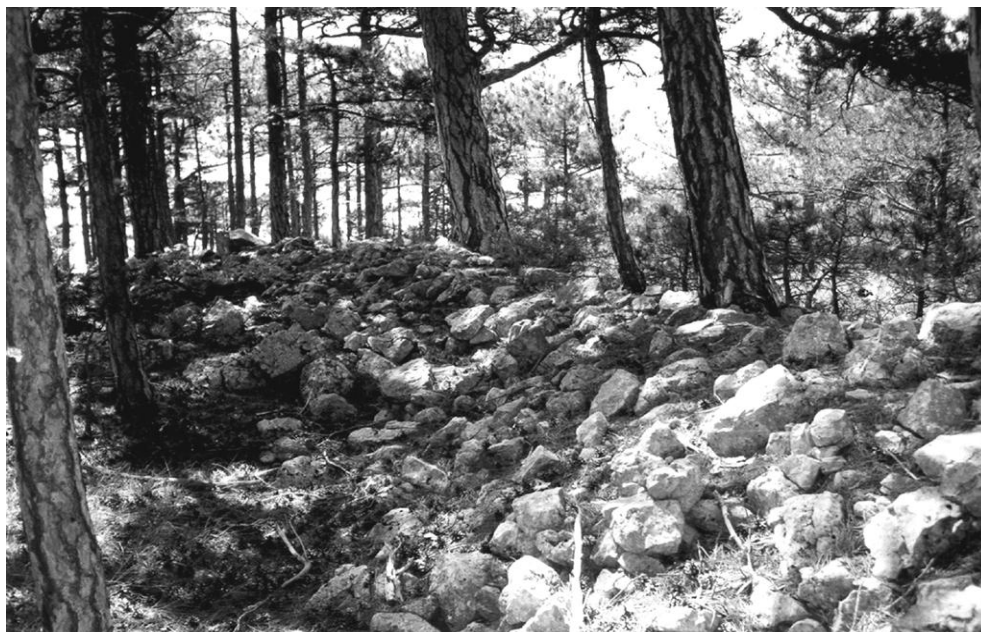

Рис. 4. Развалы оборонительных стен юго-восточной куртины

Толщина стен укрепления колеблется в пределах 0,9 – 1,2 м., сохранность в высоту – едва достигает 1,1 м. По развалам камней, особенно с юго-восточного склона, с большой осторожностью можно предположить, что первоначальная высота стен была в пределах 1,5 – 3 м. Протяженность всей оборонительной куртины составляет около 30 м (по данным Л.В. Фирсова (1990) – более 32 м).

Калитка, очевидно, находилась с северо-западной стороны. Ее остатки прослеживаются по крупным выходам известняка, которые могли служить пропилями входа, а также по наличию основной тропы, ведущей непосредственно к цитадели.

В системе обороны Рускофиль-Кале уже в XIX в. исследователями были локализованы две башни, ныне находящиеся в плачевном состоянии. Так, круглая башня, располагавшаяся на восточном фланге, полностью разрушена. Ее следы угадываются по солидным каменным развалам. Указанная башня упоминается в отчете А.Л. Бертье-Делагарда.

Вторая башня – боннет, выложенная на скальных известняках, была возведена на территории самой цитадели на вершине мыса и занимала господствующее положение в обороне. Первоначально строение представляло в плане прямоугольную трапецию с несколько скошенным внешним торцом. Башня не выступает за линию северной куртины крепостной стены, не является ее природным продолжением и, таким образом, обеспечивала исключительно фронтальный обстрел. К лицевой стороне наклоненной площадки куртины сооружение примыкало посредством перевязи. Прослеживаются подтеки глыб под квадратные блоки. Сама кладка была выполнена на известковом растворе, в состав которой входили белая известь и морской гравий. Размеры башни варьируют в пределах 3,5х5,5 м. Северо-восточный угол сохранился на высоту до 0,9 м; северо-западный и юго-восточный углы – 0,3 – 0,5 м, юго-западный – практически разрушен. Высота башни также определяется по развалам камней – до 6 м. Отметим, что каменные средневековые башни Крыма были вполне противопожарными (за исключением деревянных дверей входных проемов). Впрочем, на Рускофиль-Кале следов пожара не обнаружено.

Особенностями рускофильских башен является их ориентация продольными стенами (апсидами?) в северо-восточном направлении на летний восход. Если принять во внимание предположение про укрепленный монастырь, то допустимо предположить, что прямоугольная башня выполняла функцию крепостной часовни.

Конкретную дату возведения укреплений на мысе Мартыян ни один известный ныне источник не зафиксировал. Ее, вероятно, позволят определить только материалы основательных раскопок. Для уточнения времени появления Рускофиль-Кале важное значение будет иметь и анализ конструктивно-технологических особенностей фортификационных сооружений, а также морфология отложений небогатого культурного слоя.

Однако, идентичность перевязи между кладкой стены в главной куртине и фланговых бастioned, изучение найденных артефактов косвенно свидетельствуют, что весь комплекс был возведен единовременно, а его существование вместе с расположенным в их пределах поселением, было относительно недолговечным – около 200 лет. Скорее всего, жизнь здесь прекратилась после 1475 года в связи с турецкой экспансией на полуостров. В дальнейшем расположение Рускофиль-Кале на крутом склоне способствовало как оседанию основы стен, так и выветриванию вяжущего раствора. Этого вполне достаточно для постепенного полного разрушения кладки.

Сам комплекс Рускофиль-Кале включает два основных компонента: уже указанную цитадель на вершине мыса, в пределах которой располагались церковные или

монастырские постройки и поселение, защищенное с юга и запада оборонительными стенами. Наличие жилых построек угадывается в задержанных остатках кровельной черепицы и развалах строительного камня. Сами жилища Рускофиль–Кале имеют прямоугольные или скругленные очертания и размеры по внешнему обводу стен соответственно 2,7х4,5, 2,5х4,0 м. Толщина стен не превышает 0,7 м. Постройки были сложены из мелких нетесаных глыб на известковом и галечно–гравийном растворе, аналогичном раствору оборонительных стен.

В составе комплекса Рускофиль–Кале включают и упомянутую выше пещеру Кале (Хале)- Коба (рис. 3). Иногда в качестве крепостного дозорного поста. П.И. Кеппен (1837) привел ее точные размеры – «высота над морем – 10 сажень, длина – 19 сажень, ширина – 8 сажень, высота – 4 аршина». Однако, несмотря на свое название, пещера, по-видимому, с археологическим комплексом на мысу связана не была. В своей основе она является карстовым образованием, не имеющим выхода на стенку берегового клифа и визуально просматривается только со стороны моря. Доступ к ней возможен со стороны пляжа и несколько затруднен. Природа происхождения пещеры-гроты вполне традиционна. Скорее всего, в процессе обрушения известняков карстовая полость оказалась отрытой и получила два входа, по обе стороны загораживающего ее призматического блока.

Перейдем к характеристике найденных артефактов.

Среди последних, так же как и при сборах на поверхности, важное место, особенно в количественном отношении, занимает керамика. Значение керамики как культурно-исторического документа становится реальным тогда, когда она является показателем той или иной стадии социально-экономического развития, другими словами, когда она является частью определенного комплекса вещей, когда вскрывается ее принадлежность к определенной эпохе, изучаемой по всей совокупности имеющихся источников.

Рис. 5. Вид на пещеру Кале (Хале)-Коба с востока

Кровельная черепица Рускофиль-Кале сильно раздроблена, очевидно, из-за движения наносов вниз по скальному склону (рис. 6). То же можно сказать и про обломки гончарной посуды, среди которой преобладают красные и оранжевые, гладкостенные и с зонами рифления. В массе своей это обломки круглодонных и плоскодонных амфор, кувшинов, чашек, мисок, и так далее. Некоторые отдельно найденные ручки, по-видимому, принадлежат не горшкам, а низким чашкам с носиками (рис. 7).

Рис. 6. Кровельная черепица из Рускофиль-Кале

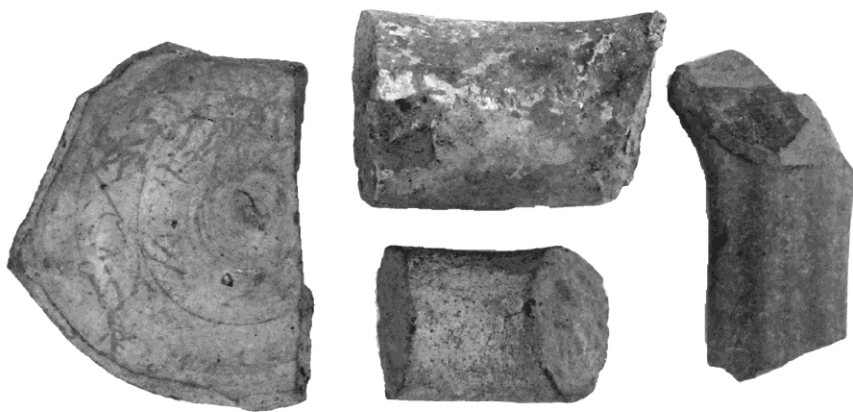

Рис. 7. Образцы керамики Рускофиль – Кале

На некоторых обломках керамики сохранился врезной и рельефный орнамент в виде волнистых линий. Присутствует также узор из врезанных дуговых линий, сомкнутых одна с другой обращенными вверх концами (рис. 8, 9).

Рис. 8. Фрагмент керамики с врезным орнаментом из Рускофиль-Кале

Рис. 9. Орнаментированная керамика Рускофиль – Кале

В распределении собранной на Рускофиль–Кале керамике по видам замечается следующая закономерность (данные 2006, 2012 гг.):

Кровельная черепица	65%
Фрагменты пифосов	5%
Фрагменты амфор без ангоба, гладкостенных	3%
Фрагменты амфор с желтым ангобом, гладкостенных	2%
Фрагменты прочих амфор (в том числе рифленых)	7%
Фрагменты кувшинов с плоскими ручками	1%
Фрагменты прочих кувшинов и мисок	15%
Керамика с зональным рифлением	1%
Черноглиняная лепная керамика	1%
Поливная керамика и посуда со сложным орнаментом	0%

Следует указать, что в 2012 г. на склоне мыса и в пределах заповедника были обнаружены фрагменты средневековой орнаментированной керамики (хотя не исключено их случайное попадание). Набор керамики в сочетании с панцирной кладкой стен и известковым раствором подтверждает принадлежность Рускофиль-Кале к группе средневековых укреплений Крыма (данные Л.В. Фирсова и О.И. Домбровского).

Наличие керамики на территории археологического памятника – один из параметров для приблизительной оценки длительности существования поселения. В этом отношении подтверждается относительная недолговременность Рускофиль-Кале. На его компактной площади общая масса керамических обломков намного меньше, чем, например, на других исарах Южного берега Крыма (Лимена-Кале, Панае, Аю-Даг).

Находки единичных металлических предметов на территории Рускофиль–Кале в процессе разведочных работ сезона 2012 г., по сравнению с 2006-м, оказались более продуктивными. Так, обнаружены 1 бронзовая фибула в целом состоянии и отдельные детали от двух аналогичных фибул, 3 перстня и 1 обломанная печатка от перстня (все на юго-восточном склоне). Используемые в виде украшений, сами они представляют исключительно исторический интерес вне художественного контекста (рис. 10, 11).

Среди прочих предметов – железный гвоздь, железный нож, навершие железного ключа, погнутый бронзовый колокольчик и орнаментированный керамический фрагмент (все артефакты найдены в районе круглой башни укрепления) (рис. 12). На южном склоне была обнаружена высокохудожественная бронзовая поясная орнаментированная деталь (рис. 13). На территории поселения и на шельфе пляжа подобрано несколько бронзовых и железных пряжек (рис. 14).

Все указанные находки относятся к средневековому периоду, датируются, предположительно, началом XIV – концом XV вв., однако, требует лабораторного хронологического анализа.

Разведочные работы Рускофиль-Кале в достаточной степени выяснили вопрос о занятиях его населения (если не брать во внимание религиозную направленность). О существовании скотоводства свидетельствуют находки остеологического материала. Каким животным принадлежали эти кости — пока остается неизвестным. Возможно, некоторая их часть принадлежит диким животным, добываемым охотой.

Рис. 10. Рускофильские фибулы

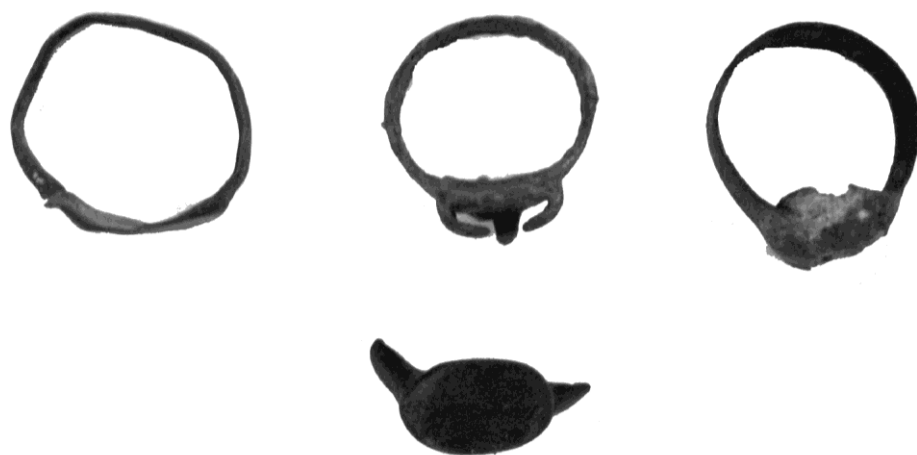

Рис. 11. Перстни из Рускофиль-Кале

Рис. 12. Находки 2012 года из Рускофиль-Кале (гвоздь, керамический орнаментированный фрагмент, навершие ключа, железный нож)

Рис. 13. Поясная накладка из Рускофиль-Кале

Рис. 14. Бронзовые и железные пряжки из Рускофиль-Кале

Рыболовство и морское собирательство, несомненно, занимало значительное место в занятиях жителей укрепления: обнаружены в определенном количестве кости рыб, битые раковины мидий и рапанов, а также бронзовый рыболовный крючок (рис. 15). Osteологический материал, несомненно, нуждается в тщательной хронологической датировке.

Рис. 15. Рыболовный крючок из Рускофиль-Кале

Важным итогом полевого исследования 2012 г. стала обнаружение на территории Рускофиль-Кале и прилегающей к укреплению территории маленьких нательных крестиков, различающиеся, главным образом, величиною и обработкою центральной части (рис. 16). Состоят они из круглых перекладин с шариками и пиками на концах. Перекрестья имеют форму квадрата или круга. Все крестики – обломаны либо по естественным причинам, либо, предположительно, в связи с противостоянием мусульманского и христианского населения в регионе в период XV – XVII вв. Можно предположить, что некоторые из металлических крестиков были изготовлены на территории самого Рускофиль-Кале. Ближе к восточному краю заповедника был обнаружен металлический крест с молитвой, датируемый гораздо более поздним временем – XVII – XVIII вв. (рис. 17). Очевидно, это находка имеет случайный характер. Тем не менее, ориентация стен прямоугольной башни подобная церковным сооружениям, найденные кресты указывают не только на христианскую религию населения Рускофиль-Кале, но и на существование небольшого культового объекта.

Таким образом, в системе средневековых укреплений Южного берега Крыма ансамбль Рускофиль-Кале является классическим примером памятника с непродолжительным периодом существования и двойной функцией: культурно-духовной и фортификационно-защитной.

Рис. 16. Нательные крестики из Рускофиль-Кале

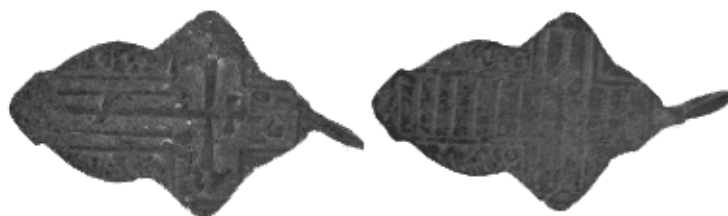

Рис. 17. Крест, найденный на мысе Мартьян

В свое время Л.В. Фирсов (1990) указывал, что памятник выполнял функции укрепленного монастыря-сателлита, входящего в систему обороны либо Гурзуфа (вместе с крепостью Гелин-Кая), либо Ялтинской котловины (с Учан-Су – исаром) или Палеокастроном над Никитским мысом. Это подтверждают миниатюрные размеры самого укрепления; невозможность размещения на его территории достаточного гарнизона защитников; легкодоступность построек, которые могли быть легко засыпаны стрелами и пращными камнями со стороны седловины, а не особо мощные стены – разбиты до основания; отсутствие запасов пресной воды вблизи укрепления; отсутствие четко локализованных остатков жилых построек на территории укрепления и вокруг него.

Однако современное изучение Рускофиль-Кале позволяет сделать некоторые предположения. Так, на участках северо-западнее укрепления обнаружены развалы строительного камня и практически полностью разрушенный фундамент стен, который фрагментарно прослеживается на протяжении почти 20 м. Предполагаемые стены могли перегораживать проходы между скальными гребнями западнее укрепления, увеличивая, таким образом, его полезную площадь почти в два раза (за счет относительно ровных площадок). В таком случае, при условии существования дополнительных участков оборонительной стены, сквозное отверстие Кале (Хале) – Коба действительно могло выполнять фортификационные функции, к примеру, наблюдательного пункта или потерны, посредством которой спускались через проход между парапетами и, обойдя Рускофиль – Кале с юга, оказывались за территорией укрепления ниже основного входа.

Таким образом, Рускофиль-Кале – памятник комплексный. В основе его селище, то есть средневековый поселок, на территории которого некоторое время существовал укрепленный православный монастырь, имеющий продуманную эшелонированную систему обороны. Периодизация укрепления условно охватывает два этапа: первый – конец XII – XIII вв. – существование храмового комплекса и прилегающего к нему неукрепленного поселения на мысе Мартьян. В конце первого периода исар, как и многие подобные укрепления Южного берега Крыма, видимо, пострадал от нашествия монголов и татар. Второй этап – XIV – XV вв. – укрепленный монастырь – замок, форпост феодоритов в зоне генуэзского влияния. После захвата Крыма турецкими войсками (1475 г.) жизнь на Рускофиль-Кале постепенно угасла. Если принять эти предположения, то можно рассмотреть вопрос о Рускофиль-Кале

как небольшой крепости – монастыря с постоянным военным гарнизоном. Тогда целесообразным будет и проведение нового рекогносцировочного обследования памятника.

Сравнив сохранность Рускофиль-Кале в 60-е годы XX в. (по описаниям Л.В. Фирсова), следует отметить печальный факт: за 40 лет от руин укрепления практически ничего не осталось. Учитывая интенсивность разрушительных процессов природы и человека, вопрос будущего малых археологических памятников Южного берега Крыма, в том числе, и Рускофиль-Кале, продолжает оставаться весьма актуальным.

Дальнейшее историко-археологическое исследование указанного объекта и всей территории Природного заповедника «Мыс Мартьян» поможет создать основу для надежной хронологической дифференциации в будущем всех артефактов, найденных на указанной территории и точнее детализировать этапы и особенности средневековой истории крымского Югобережья.

Литература

- Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде / Александр Львович Бертье-Делагард // ИТУАК. – 1920. - № 57. – С. 80-82.
- Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (с картой Южного берега Крыма и принадлежащим к ней указателем) / Петр Иванович Кеппен. – СПб, 1837. – 16+412 с.
- Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв./ В.Л. Мыц; АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Г.Ю. Ивакин.– Киев: Наукова думка, 1991. – 164 с.: ил.
- Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников / Мария Александровна Сосногорова. – Одесса, 1871. – 337 с.
- Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма / Лев Васильевич Фирсов.- Новосибирск: Наука, 1990. – 470 с.
- Черкасов А.В., Иванилов А.В. Археологический объект «Рускофиль-Кале» на территории ННЦ-НБС (природный заповедник «Мыс Мартьян»): опыт исторической реконструкции // Летопись природы за 2006 год. – Ялта: УААН НБС-ННЦ, 2007. – С. 198-208.